

тет самой власти был уже настолько велик, что подбить людей на массовые выступления против нее было нереально.

Атаки на митрополита Сергия начались сразу же после того, как он возглавил Церковь в качестве заместителя патриаршего местоблюстителя. Мысль создать институт местоблюстителей пришла кому-то из членов Поместного собора. Предполагая, что патриарх Тихон может быть арестован, на Соборе было решено назначить ему заместителей в виде патриарших местоблюстителей. Эту же идею взял на вооружение и сам Тихон, указавший в завещании, составленном 7 января 1925 года, что свои патриаршие права и обязанности по случаю смерти он временно предоставляет митрополиту Кириллу, если же он не может их принять, эти права переходят к митрополиту Агафангелу и, если этот тоже окажется не в состоянии их принять и выполнять — к митрополиту Петру.

Как видим, митрополит Сергий в завещании не упоминается. Каким же образом он оказался во главе Церкви? Кирилл в это время находился в ссылке в Красноярском крае. «Отсутствовал» и Агафангел — он отбывал ссылку в Нарымском крае. А вступивший в управление митрополит Петр был в том же году, только в конце, арестован. Но за несколько дней до ареста, 6 декабря, он делает завещательное распоряжение на случай невозможности отправлять обязанности местоблюстителя, назначает также трех преемников, первым из которых ставит Нижегородского митрополита Сергия.

Какую же свистопляску устроила часть духовенства, когда Сергий на основе этого распоряжения митрополита Петра, после его ареста, возложил на себя обязанности местоблюстителя! Сергий — не канонический глава Церкви, так как неканонично самое решение митрополита Петра, ибо он не имел права единолично его принимать! Масла в огонь борьбы с Сергием подлил митрополит Агафангел, заявивший в апреле 1926 года о своем вступлении в управление Церковью. Откликнулся из Сибири и Кирилл. В ответном письме верующим Казанской

стности. И он этого добился. Расколы, кроме обновленческих, ему удалось преодолеть еще до войны.

Консолидировавшая Церковь мудрая и мужественная политика митрополита Сергия, избранного в 1943 году патриархом, и сейчас стоит острой костью в горле антисоветского православного духовенства.

Заявив, что Сергий нарушает канонические установки, эмигрантское духовенство дошло до того, что объявило его еретиком, а всю Русскую православную церковь обвинило в «сергианстве». Получается так: вся РПЦ находится в расколе. Дикость, конечно. Но не это главное. Наши отечественные церковники, подобно зарубежным кидая камни в Сергия, не могут, тем не менее, принять их оценку его деятельности. Потому-то бросают и в то же время как бы оправдывают его.

Дело здесь в следующем. Если нашим церковникам признать, что за годы Советской власти православная Церковь впала в «сергианство» — это, значит, признать, что десятки миллионов верующих на территории СССР в течение 75 лет окормлялись неканоническим образом и, следовательно, никому из них не попасть в рай. Да бог с ними, с усопшими, священнослужителями и мирянами. Как быть с живым клиром?! Если сегодня, вероятно, еще можно найти рядового священника, рукоположенного в сан когда-то канонически хиротонисованным епископом, то епископат-то и предстоятель Церкви Алексей II (тоже бывший епископ) хиротонисованы лицами, потерявшими или даже вовсе не имевшими на это канонических прав. Поэтому-то и звучавшие на рубеже 90-х годов призывы к диалогу между РПЦ и РПЦЗ быстро заглохли. Потомки белоэмигрантов в рясах не желают отказываться от обвинений, выдвинутых их предшественниками. А отечественное духовенство не может отказаться — при всем желании — от наследия Сергия.

ЦЕРКОВЬ

епархии, архиереем которой он считался, Кирилл объявил, что Сергий превысил свои полномочия, что учреждение им Временного Синода — деяние погрешительное, что он сам отказывается от общения с митрополитом и что мирянам принимать «деятельное участие в церковной жизни приходов, возносящих имя митрополита Сергия в качестве возглавляющего иерархию архипастыря, не следует».

А уж когда Сергий выступил с Декларацией о лояльности Советской власти, тут антисоветски настроенное духовенство пустилось во все тяжкие.

Мы можем только предполагать, что подвигло Сергия на принятие Декларации. Убежденный монархист, более того сторонник такого одиозного деятеля каким был обер-прокурор Саблер, он крайне отрицательно отнесся к революции, позже стал активным антисоветчиком, выделяясь своей непримиримостью к власти среди других церковников. За антисоветскую деятельность его несколько раз арестовывали.

И вот такой человек провозглашает политику, которая явно отвечает интересам Советской власти.

Политическая борьба с Сергием формально приняла форму расколов. Тот же Агафангел объявил, что в его Декларации «начало духовное и божественное в домостроительстве церковном всецело подчиняется началу мирскому и земному», что сам Сергий навязывает Церкви «политиканство и заигрывание» со светской властью, не имеющие никакого отношения к лояльности.

Вслед за митрополитом Агафангелом в борьбу с Сергием вступил архиепископ Иосиф, имя которого стояло третьим в завещательном распоряжении митрополита Петра. По имени этого иерарха богословами назван еще один раскол. Но богословское толкование событий тех лет не должно никого вводить в заблуждение. Речь идет исключительно о политической борьбе еще одной очень влиятельной группы церковных сановников под прикрытием догм и канонов. Иосифлянство очень широко распространилось в Ленинградской епархии: более 40 церковных советов поддержали своих пастырей и порвали «молитвенно-каноническое общение с первоиерархом». В Москве и области, в Киеве, Харькове, Вятке, Воронеже, Пскове, Твери, Новгороде, на Кубани церкви отходили от Сергия.

В сентябре возник еще один раскол, так называемое викторианство. Большинство духовенства Вятской и Воткинской епархий также прекратили молитвенно-каноническое общение с Сергием. Возглавил их епископ Виктор, который объявил, что с ними — собор «соловецких» епископов и «великое множество рабов Божиих».

Кстати, о «соловецких» епископах, т. е. о тех священнослужителях, что находились в заключении в Соловецком лагере особого назначения. Они откликнулись на Декларацию открытым письмом ее автору. «Соловецкие мученики», как их сейчас обычно называют, не могли после заявления патриарха Тихона о том, что противоборство с Советской властью является нарушением предписаний «Священного писания», не поддержать заявление о лояльности. Они писали Сергию: «Мы одобряем самый факт обращения Вашего к Правительству с заявлением о лояльности Церкви в отношении к Советской власти во всем, что касается гражданского законодательства и управления. Мы искренне принимаем чисто политическую часть послания...».

Что же они тогда не приняли? Всего-то: не смогли «принять и одобрить послание в его целом». Это требовало объяснений. Но чем можно оправдать нежелание поддержать заявление первоиерарха о лояльности власти, если в нем на измену «заветам Христа и правды Православной», в чем Сергия обвиняли некоторые церковники, нет даже намека. Ничем. Зато можно извратить содержание Декларации. А, исказив, раскритиковать и Декларацию, и Сергия. Что и сделали «богобоязненные старцы».

«Мы хотим быть православными, говорится в Декларации, и в то же время признавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи». С точки зрения религиозной в этой фразе нет никакой крамолы. А если заменить слово «родина» на слово «государство»? Тогда уже можно возразить: «Церковь не может взять на себя перед государством обязательства считать «все радости и удачи — своими радостями и успехами, а все неудачи — своими неудачами», ибо всякое правительство может иногда принимать решения безрассудные, несправедливые и жестокие, которым Церковь вынуждена подчиниться, но не может им радоваться или одобрять». Вообще-то мне непонятно, какое такое есть у Церкви право не одобрять божественные предписания? Но это к слову. Вопрос в порядочности «старцев», в их методах «дискуссии». На западе — а очень вероятно, что для него и предназначалось письмо — (в Советском Союзе Декларация была Синодом распространена среди священников и архиереев и опубликована в печати, так что советских граждан нельзя было ввести в заблуждение) — в письме «соловецких» епископов слово «родина» заменили на слово «власть».

Пытаясь заставить митрополита Сергия отказаться от провозглашенного им курса, на него стали оказывать огромное давление православные иерархи из-за рубежа. Ему обещали мученический венец, предлагая взять в пример Христа, если он откажется от лояльности власти. Обвиняли в трусости. Грозил карами небесными. Но Сергий оказался мужественным, стойким и решительным человеком. Он тратил немало сил и времени на то, чтобы убедить противников Декларации в их заблуждениях: писал письма, беседовал лично. Когда же убеждался в тщетности своих попыток, просто снимал священников с работы — «запрещал в священнослужение», отстранял епископов.

Так что же все-таки двигало Сергием? Я думаю, что не личная корысть, не трусость (митрополит Сергий, можно сказать, в советских тюрьмах был своим человеком). Возможно, бывший монархист действительно пересмотрел свое отношение к Советской власти, понимая, что борясь с ней он, собственно, борется со своей паствой. Но без всякого сомнения главным мотивом его решения было огромное желание сохранить Русскую православную церковь в цело-

Церковь в войне

Представление нескольких поколений советских граждан о роли православной Церкви в годы войны основано, мне кажется, главным образом на фильме «Секретарь райкома». В нем священник помогает подпольщикам и партизанам. Конечно, кто-то помнил, кто-то читал, слышал о жертвоприношениях Церкви на нужды обороны, о том, что группа иерархов во главе с Сергием была принята И. В. Сталиным.

Об этом последнем обстоятельстве, встрече И. В. Сталина с высшим православным духовенством СССР, в последние десять лет написано немало. «Демократы» злорадствуют: вот, мол, приспичило, так вождь народов и про идеологию забыл. «Патриоты» эту встречу оценивают иначе. Как признание великим государственным роли Церкви в спасении Родины. При этом одни авторы намекают, что И. В. Сталин и сам не чурался православной веры. А несколько месяцев назад в «Досье» был опубликован материал, автор которого прямо утверждал, что И. В. Сталин был верующим человеком.

Давайте, уважаемые читатели, попытаемся разобраться в этих вопросах. Нельзя не заметить, что во всех публикациях речь идет исключительно о патриотической позиции духовенства на неоккупированной территории. А как вело оно себя на захваченной врагом? Как в фильме «Секретарь райкома»? Были священнослужители, боровшиеся с захватчиками. Но основная их масса на оккупированной территории оказалась не только и не столько богу, сколько оккупантам. Их ненависть к Советской власти оказалась намного сильнее любви к родине, если она у них вообще была.

У меня была репродукция старой фотографии. На ней немец в парадной эсэсовской форме, другие гитлеровские офицеры. Совсем рядом — люди в облачении православных священнослужителей. Это архиепископы Даниил и Павел, епископы Иоанн и Макарий, Павел Горшков, наместник монастыря, в котором сделан снимок. Что за монастырь? Да тот самый, что сегодня изображают одним из тех немногих окошек в духовный мир, что оставили злодеи-большевики, — Псковско-Печорский. А толстоватый бородач в подрыснике, с крестами и наградами, что занял место в центре снимка — экзарх Прибалтики Сергей Воскресенский. В монастыре он чествовал «освободителей России от большевистского ига».

Вскоре после начала войны Синод предложил экзарху эвакуироваться. Однако сей господин спрятался в рижском кафедральном соборе, а после оккупации Риги немцами объявился и предложил им сотрудничество. В августе он направил в Псков группу из 15 рижских священников, которые занялись «миссионерской» деятельностью. Миссия издавала бюллетени, организовала курсы для подготовки священников, писала листовки с призывами вступить в армию Власова. В апреле 1944 года экзарх был убит по пути из Вильнюса в Ригу людьми, одетыми в немецкую форму. Но немцы заявили, что экзарха расстреляли партизаны.

Изменники в рясах служили врагам Отечества не только с крестами и перьями в руках. Послушник того же Псковско-Печорского монастыря Ефим Петров лично расстрелял двадцать человек. Лет сорок назад в Кировоградской области проходил суд, на котором священник Иосиф Односум выступал свидетелем. А в итоге выяснилось, что отец Иосиф и немецкий палач по прозвищу кат Ленька — одно лицо...

Куда бы не приходили немцы, всюду они встречали поддержку духовенства. На Украине с их помощью восстанавливалась «автокефальная церковь». Все ее 15 епископов, за исключением одного престарелого, сбежали вместе с немцами. В августе 1941 года на соборе в Погаевском монастыре была создана автономная Украинская православная церковь. Больше половины ее епископов также бежали на Запад.

На оккупированных землях вновь открывались церкви и монастыри. Активное участие в этих мероприятиях принимало карловацкое духовенство, а также украинские и белорусские националисты, привезенные немцами из Польши. Чтобы у читателей не создавалось впечатление, будто немцы открывали церковные учреждения, потому что сами были верующими, напомним им, что «нацистская церковная политика в оккупированных областях определялась общим отношением нацистов к славянам и к русским в частности». Поверьте, читатели, этому утверждению. Оно принадлежит антисоветчику Д. Поспеловскому. Только добавлю к нему: имперский комиссар восточных территорий А. Розенберг, который разрабатывал эту политику, был атеистом, а православие считал «красочным этнографическим материалом».

Теперь о том, насколько верны утверждения, что И. В. Сталин «в годину тяжелых испытаний» пересмотрел свое отношение к Церкви, что и продемонстрировал всему миру, приняв в Кремле высших церковных иерархов. Да, пересмотрел. И «година» была тяжкая. Но год-то был 1943, а месяц сентябрь. Это не осень сорок первого, когда все было на пределе. Вот уж когда было и стране, и лично И. В. Сталину тяжело так тяжело. Вот, кажется, время, когда надо было опираться на Церковь. Но ничего подобного не произошло. Больше того, И. В. Сталин полностью проигнорировал просьбу президента США Рузвельта. Американский президент просил И. В. Сталина, в сущности, о немногом: предпринять какие-то шаги в отношении Церкви, которые позволили бы ему воздействовать на консервативную часть конгресса.

Трудно предположить, что И. В. Сталин мог уделять в то время какое-нибудь внимание церковным делам. Судя по воспоминаниям Г. Г. Карпова, ставшего вскоре после той встречи во главе созданного Совета по делам Русской православной церкви, он даже осенью 1943 года не имел представления о том, кто такой Сергий — сколько ему лет, каким он пользуется авторитетом в Церкви, как относится к Советской власти. Но можно допустить, что И. В. Сталин кому-то поручил «проработать» вопрос. И получил ответ, что руководство Церкви даже не осудило предателей. Лишь 14 октября во втором «военном» послании Сергий, сказал, что до него доходят «слухи» о сотрудничестве русского духовенства с оккупантами, «которым, писал он, я не хочу верить».

Окончание на 10 стр.